

Развод
ПО-ИТАЛЬЯНСКИ

Лина Райс

18+

Lina Rice

Развод по-итальянски

«Автор»

2026

Rice L.

Развод по-итальянски / L. Rice — «Автор», 2026

Когда-то Анна познакомилась в Москве с итальянцем Маттео Ланди, обаятельным искусствоведам, который говорил о Караваджо так, будто сам держал свечу у его мольберта. Она вышла за него замуж, переехала в Италию и родила дочь Софию. Но Италия стала для Анны не мечтой, а красивой клеткой. Маттео контролирует деньги, документы, ее общение и даже доступ к собственному паспорту. Однажды в Италии она случайно встречается Лоренцо Альбани — мужчину, которого любила еще в Москве. В Москве Анна сама оборвала их связь, потому что не хотела быть любовницей и ждать чужого развода. Теперь Лоренцо снова появляется в ее жизни — красивый, опасно внимательный, все еще влюбленный.

© Rice L., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. На птичьих правах	5
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Lina Rice

Развод по-итальянски

Глава 1. На птичьих правах

В Италии даже несчастье умело быть красивым. Оно просыпалось вместе с городом, когда за ставнями медленно светлело, и тонкая золотая полоска ложилась на пол нашей кухни — старый, терракотовый, весь в трещинках, будто кто-то когда-то уронил на него солнце, и оно разбилось. Мое несчастье пахло кофе из соседнего окна, мокрым камнем после ночного дождя, теплым хлебом из пекарни на углу и жасмином, который цеплялся за облупленную стену напротив нашего дома. Если смотреть только в окно, можно было подумать, что жизнь удалась.

Узкая улица Лукки еще не проснулась окончательно. Внизу старик синьор Бартоли поднимал металлическую решетку своей лавки, ворча на замок, как на непослушного внука. Чуть дальше женщина в темно-зеленом пальто выгуливала двух белых собак, похожих на облака, упавшие на поводки. За крышами домов, за старой кирпичной стеной города, виднелось бледное тосканское небо — такое нежное, что на него было больно смотреть слишком долго.

Я стояла босиком посреди кухни и считала деньги.

Тридцать евро в кошельке. Еще восемьдесят семь — на карте, если заказчик из Милана наконец оплатит перевод буклета про выставку керамики. Двадцать пять — в коробке из-под печенья, спрятанной за пакетом гречки в верхнем шкафу. Маттео никогда туда не заглядывал. Он вообще считал, что русская еда существует где-то между варварством и тоской, а готовить это святая обязанность женщины.

— Мам, — сказала София из комнаты. — Я не хочу эту кофту. Она колется.

Я закрыла кошелек и машинально улыбнулась, хотя дочь меня не видела.

— Она не колется, она просто теплая.

— Она колетеплится.

Я выдохнула почти смеясь. У Софии был особенный талант — придумывать слова, от которых мне одновременно хотелось плакать и жить дальше.

— Тогда надень розовую. Но быстро, пожалуйста. Мы опаздываем.

— Папа повезет?

На этой фразе кухня будто стала холоднее.

Я посмотрела на дверь спальни. Она была закрыта. Из-за нее не доносилось ни звука, хотя будильник Маттео звонил уже дважды. Он умел спать сквозь все: через звонки, детские просьбы, мои попытки поговорить, собственные обещания. Только не через то, что касалось его работы, репутации и людей, перед которыми он хотел казаться безупречным.

— Нет, солнышко. Сегодня мы пойдем пешком.

— Но у меня рисунок большой.

Я подошла к столу, где лежал свернутый ватман. На нем София нарисовала нашу семью. Я узнала себя по длинным каштановым волосам и синему платью. Себя она всегда рисовала рядом со мной, чуть наклоненной, с большими руками. Маттео стоял отдельно, у края листа, высокий, тонкий, в черном костюме. Между нами был дом с красной крышей. Только почему-то у дома не было двери.

Я провела пальцем по бумаге.

— Я понесу рисунок.

— Осторожно, там папа.

Я задержала дыхание.

— Папа?

— Ну да. Я его долго рисовала. Он все время получался сердитый.

В спальне скрипнула кровать. Я быстро свернула ватман, словно он был не детским рисунком, а уликой.

Маттео вышел через несколько минут. В белой рубашке, еще не застегнутой у горла, с влажными темными волосами и лицом человека, которого мир уже успел разочаровать с самого утра. Он был красив. Это было самым обидным. У него была та спокойная итальянская красота, которую любят снимать в черно-белых фильмах: прямой нос, тонкие губы, тень щетины, внимательные глаза, способные за секунду стать ласковыми — если рядом был кто-то посторонний.

Когда-то в Москве я думала, что эти глаза видят меня насквозь. Теперь я знала: они просто хорошо выбирали, что не замечать.

— Кофе есть? — спросил он по-итальянски.

— В кофеварке.

Он подошел к плите, поднял крышку моки и поморщился.

— Ты опять сделала слишком слабый.

Я промолчала. За семь лет брака я научилась отличать претензии, на которые нужно отвечать, от тех, которые были просто утренней гимнастикой его раздражения.

Маттео налил кофе в маленькую чашку, сделал глоток и поставил ее на стол так резко, что блюдец звякнуло.

— Сегодня вечером я буду поздно. У нас встреча с профессором Ринальди и людьми из фонда.

— Ты говорил, что забереешь Софию из школы.

Он посмотрел на меня так, будто я попросила его перенести Дуомо на соседнюю улицу.

— Анна, я же сказал: встреча.

— Но у меня созвон в пять. Новый заказчик. Я предупреждала тебя три дня назад.

— Значит, перенесешь.

— Я не могу каждый раз переносить работу.

Он усмехнулся. Не громко. Даже почти мягко. Маттео никогда не повышал голос сразу. Он умел сначала сделать больно тихо.

— Работу?

Это слово он произнес по-русски. С легким акцентом, растянув гласную, будто пробовал на вкус что-то сомнительное.

— Да, работу, — сказала я.

— Анна, пожалуйста. Не начинай утром драму. Твои маленькие переводы не являются карьерой. Это хобби, которое иногда приносит деньги на кремы и детские заколки.

Я почувствовала, как щеки стали горячими.

В комнате София что-то напевала, застегивая рюкзак. Я посмотрела туда, потом снова на Маттео.

— Эти маленькие переводы оплачивают продукты, когда ты забываешь оставить деньги.

Он медленно поднял на меня глаза. Вот теперь я сказала лишнее. В кухне стало очень тихо. Даже синьор Бартоли внизу перестал греметь решеткой, и на секунду мне показалось, что весь город прислушался.

Маттео поставил чашку в раковину.

— Я не забываю. Я смотрю, на что ты тратишь.

— На еду. На школу. На лекарства, когда София болеет.

— София болеет, потому что ты кутаешь ее, как в Сибири.

— Она болеет, потому что ей шесть лет.

Он подошел ближе. Не слишком близко — Маттео всегда оставлял между нами такое расстояние, чтобы потом можно было сказать, что он меня даже не трогал.

— Не разговаривай со мной таким тоном.

Я опустила глаза.

Это было не подчинение. Я говорила себе это каждый раз. Просто расчет. Просто еще одно утро, которое нужно пережить. Просто дочь в соседней комнате. Просто мое заявление на вид на жительство, которое он обещал «закончить на следующей неделе» уже почти два года. Просто я в чужой стране, где даже страх звучал на языке, который я выучила слишком поздно.

— Мне нужно мое свидетельство о браке и копия твоей carta d'identità, — сказала я тише.

— В квестуре снова просили донести документы.

Маттео устало закрыл глаза.

— Опять?

— Да. Они прислали письмо.

— Покажи.

— Я переслала тебе вчера.

— Я занят, Анна.

— Без этих бумаг они не примут заявление.

Он посмотрел на часы.

— Я разберусь.

— Когда?

— Когда смогу.

— Ты говоришь это каждый раз.

Его лицо изменилось. Совсем немного. Если бы кто-то смотрел со стороны, он бы ничего не заметил. Просто красивый мужчина устал от нервной жены. Просто итальянский муж, русская жена, маленькие бытовые сложности. Но я увидела, как в его взгляде появилась та самая темная неподвижность, от которой у меня внутри все сжималось.

— Ты живешь в моем доме, — сказал он. — В моей стране. С моей фамилией. Может быть, тебе стоит проявлять немного благодарности.

Я хотела ответить, что дом был съемный. Что фамилия после свадьбы осталась моя. Что страна не принадлежала ему только потому, что он родился под этим небом. Но София выбежала из комнаты в розовой кофте, с двумя неровными хвостиками и рюкзаком, который был почти больше нее.

— Я готова!

Маттео мгновенно улыбнулся.

— Principessa, иди ко мне.

София замерла на полпути. Она любила, когда он называл ее принцессой, но боялась его утренних объятий: иногда они были настоящими, иногда — для меня, чтобы показать, каким хорошим отцом он мог бы быть, если бы я не портила ему жизнь.

Она подошла. Маттео поцеловал ее в макушку.

— Веди себя хорошо в школе. И слушай маму, когда она не говорит глупости.

София нахмурилась.

— Мама не говорит глупости.

Я быстро взяла ее за руку.

— Нам пора.

Маттео посмотрел на меня поверх головы дочери. Улыбка еще оставалась на его губах, но глаза уже были пустыми.

— Вечером поговорим.

Эта фраза преследовала меня потом всю дорогу до школы.

Мы шли по Лукке, и город был так прекрасен, что казался почти жестоким. Улицы изгибались между домами цвета меда, охры и старой розы. На балконах сушилось белье, белые простыни раздувались от ветра, как паруса. Из открытых окон пахло томатным соусом, кофе и чистым мылом. Велосипедисты проносились мимо, звонко щелкая тормозами. Где-то за стенами города били колокола — сначала один, густой и низкий, потом другой, светлее, будто отвечал ему издалека.

Когда я только переехала сюда, я ходила по этим улицам с открытым ртом. Мне казалось, что счастье обязательно должно случиться в таком месте. Невозможно же быть несчастной там, где камни помнят Ренессанс, где вечер ложится на крыши золотом, где старухи покупают цветы по субботам, а мужчины в барах спорят о футболе так, будто решают судьбу мира.

Оказалось, возможно. Счастье не зависело от архитектуры.

— Мам, а мы летом поедem в Москву? — спросила София, перепрыгивая через трещину на мостовой.

Я крепче сжала ее ладонь.

— Не знаю, солнышко.

— А бабушка скучает?

— Очень.

— Тогда почему мы не едем?

Потому что мой паспорт лежит в ящике стола у твоего отца. Потому что билеты стоят больше, чем я могу отложить за полгода. Потому что если я уеду с тобой без его согласия, он скажет, что я похитила собственного ребенка. Потому что я взрослая женщина, у которой есть муж, дочь, диплом, ноутбук и тридцать евро в кошельке, но нет права решать куда пойду завтра.

— Потому что пока не получается, — сказала я.

София вздохнула. По-взрослому, тяжело.

— У взрослых всегда не получается.

Я не нашлась, что ответить. Она была права

У ворот школы было шумно. Дети кричали, смеялись, роняли рюкзаки, обнимали друг друга. Итальянские мамы целовались в щеки, обсуждали дни рождения, кружки, домашние задания, скидки в супермаркете. Я стояла среди них и улыбалась, когда нужно было улыбаться. За эти годы я научилась быть почти своей: правильно здороваться, не надевать слишком теплую куртку в апреле, не говорить слишком прямо, не приходить слишком рано, не выглядеть слишком потерянной.

Но «почти» — это слово, которое режет сильнее, чем «нет».

— Ciao, Sofia! — крикнула ее подруга Джулия.

София дернулась ко мне, поцеловала в щеку и побежала к воротам. На секунду она обернулась, помахала рисунком, который я отдала ей перед входом.

— Мам! Не грусти!

Я улыбнулась.

— Я не грущу.

Она поверила. Дети вообще долго верят тем, кого любят.

Когда ворота закрылись, я осталась на улице с пустыми руками. Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от заказчика. «Анна, добрый день. Сможете сегодня до 18:00 прислать готовый текст? Оплата на следующей неделе».

Я прочитала дважды. Потом убрала телефон.

На следующей неделе.

Вся моя жизнь последние годы происходила на следующей неделе. Маттео отдаст документы на следующей неделе. Деньги придут на следующей неделе. Я поговорю с юристом на следующей неделе. Я соберусь с силами на следующей неделе. Я перестану бояться на следующей неделе.

Только недели проходили, а я оставалась на месте.

Я пошла домой длинной дорогой — по городской стене. Мне нужно было хотя бы пятнадцать минут воздуха, прежде чем снова открыть ноутбук, снова писать о красоте чужими словами, снова переводить фразы про гармонию, свет, наследие и вечность.

На стенах Лукки было особенно красиво утром. Широкая аллея шла по кругу над городом, укрытая платанами. Под ногами шуршал гравий. Внизу, за кирпичными бастионами, улицы переплетались, как жилы на ладони. Крыши домов краснели после дождя. Купола церквей поднимались над ними спокойно и уверенно, будто знали что-то такое, чего не знала я.

Я остановилась у парапета.

Когда-то в Москве я любила зиму. Серый снег, кофе навынос, метро, огни Садового кольца, мокрые перчатки, темное небо в пять вечера. Там все было резче, быстрее, честнее. Если тебе было холодно — значит, было холодно. Если одиноко — город не притворялся, что это праздник.

В Италии одиночество подавали красиво. С видом на черепичные крыши.

Телефон снова завибрировал. На этот раз — Маттео. Я не хотела отвечать. Но не ответить было хуже.

— Да?

— Ты где? — спросил он.

— Иду домой.

— Почему так долго?

— Я отвела Софию десять минут назад.

— Отправь мне письмо из квестуры еще раз.

Я остановилась.

— Ты правда займешься документами?

— Анна.

Одно мое имя. И столько предупреждения в нем.

— Отправлю, — сказала я.

— И не надо делать из этого трагедию. В Италии все долго. Ты просто нервная, потому что привыкла к московской агрессии.

Я закрыла глаза.

Раньше он восхищался моей прямоотой. Говорил, что я сильная. Что я не похожа на итальянок из его круга, которые улыбаются, даже когда ненавидят. Он называл меня своей северной птицей. Теперь та же сила стала агрессией. Та же прямота — грубостью. Та же птица — существом, которое должно быть благодарно за клетку.

— Я отправлю, — повторила я.

Он отключился первым. Я долго держала телефон у уха, слушая пустоту. Потом убрала его и пошла дальше.

Дома я работала почти без перерыва. Переводила текст о выставке в маленьком музее под Сиеной. «Свет в тосканской живописи не падает на предметы, а рождается из них самих...» Я набирала фразу и думала, что это неправда. Свет ничего не рождает. Он просто показывает, где трещины.

К полудню солнце вышло окончательно. Оно ползло по стене кухни, касалось стеклянной банки с макаронами, старого стола, детской чашки с отколотым краем. Я сделала себе кофе, слишком слабый для Маттео и достаточно крепкий для меня, и открыла почту.

Писем от квестуры я нашла три. Первое — напоминание о недостающих документах. Второе — уведомление о необходимости явиться лично. Третье я раньше не открывала. Не помнила почему. Наверное, в тот день София температурила. Или Маттео вернулся злой. Или я просто не смогла.

Я нажала на письмо. Несколько строк на итальянском расплылись перед глазами. Я перечитала медленно. Потом еще раз. Они просили донести документы в течение тридцати дней. Письмо было отправлено двадцать шесть дней назад. У меня оставалось четыре дня. Четыре дня, чтобы получить у Маттео бумаги, которые он не давал месяцами. Четыре дня, чтобы не потерять шанс на нормальный статус. Четыре дня, чтобы перестать быть тенью в чужой стране.

Я встала так резко, что стул ударился о стену. Паспорт. Свидетельство. Копия его документа. Справка о регистрации. Все было у него. В кабинете.

Кабинет Маттео находился в конце коридора. Маленькая комната с окном во двор, где на подоконнике вечно стояли книги, папки, каталоги выставок и чашки с засохшим кофе. Дверь была закрыта, но не заперта.

Это уже было странно. Я подошла, прислушалась, будто внутри мог быть кто-то живой. Потом толкнула дверь. Кабинет пах пылью, бумагой и его одеколоном. На стене висела репродукция Караваджо — темная, почти черная, с пятном света на человеческом лице. Маттео говорил, что в настоящем искусстве свет всегда жесток. Он вырывает из темноты только то, что хочет показать.

Я подошла к столу. Верхний ящик был заперт. Конечно. Я дернула ручку, хотя знала, что бесполезно. Потом открыла боковые ящики. Каталоги, счета, старые ручки, визитки, флешки, папки с логотипом фонда Ринальди. Ничего моего.

Я уже хотела закрыть последний ящик, когда заметила край синей папки, зажатой между двумя альбомами.

На ней было написано мое имя.

Не рукой Маттео. Моей.

Я узнала эту папку. Я привезла ее из Москвы. В ней лежали копии дипломов, переводы документов, справки, фотографии. Она пропала через месяц после переезда. Маттео тогда сказал, что я сама ее куда-то убрала. Я искала два дня, плакала, ругалась с ним, потом извинилась. За истерику. За беспорядок. За то, что подозревала его.

Я медленно вытащила папку. Внутри лежали мои бумаги. Не все. Но часть. Руки начали дрожать. На первой странице была копия моего старого загранпаспорта. На второй — свидетельство о рождении Софии. На третьей — перевод нашего свидетельства о браке.

А между ними — лист, которого я раньше не видела. Черновик заявления. На итальянском. С моими данными. Я пробежала глазами текст и почувствовала, как холод поднимается от пола к горлу. Это было не заявление на вид на жительство. Это была доверенность.

Черновик доверенности, по которой я якобы разрешала Маттео представлять мои интересы во всех вопросах, связанных с документами, банковскими операциями и юридическими заявлениями.

Внизу оставалось место для моей подписи. Моей подписи там не было. Пока. Я услышала звук ключа в замке входной двери. Папка едва не выпала из рук. Маттео не должен был вернуться. Он был в университете. У него были лекции. Встречи. Профессор Ринальди. Фонд.

Я сунула папку обратно так быстро, что листы сбились. Закрыла ящик. Вышла из кабинета и успела дойти до кухни, когда дверь открылась.

Маттео вошел с телефоном у уха. Увидел меня. Остановился.

— Я перезвоню, — сказал он кому-то и отключился.

Я стояла у раковины, держа чашку. Пальцы так крепко сжали керамику, что стало больно.

— Ты дома, — сказала я.

Глупая фраза. Но других не было.

Он посмотрел на коридор. Потом на меня.

— Забыл документы.

Я кивнула.

Он снял пальто, медленно повесил его на крючок.

— Ты какая-то бледная.

— Голова болит.

Маттео подошел ближе. Взял мою чашку из рук, поставил на стол. Коснулся пальцами моего подбородка, заставляя поднять лицо.

Со стороны это могло выглядеть нежно.

— Ты заходила в мой кабинет?

Сердце ударило так громко, что я почти удивилась, почему он не услышал.

— Нет.

Он смотрел на меня потом улыбнулся.

— Хорошо.

Я поняла, что он не поверил.

Он отпустил меня, прошел в кабинет и закрыл дверь. Через несколько секунд щелкнул замок.

Теперь он заперся изнутри.

Я стояла на кухне и смотрела на солнечный квадрат на полу. Он сдвинулся ближе к стене. День продолжался, будто ничего не случилось. Внизу засмеялась женщина. Где-то проехал велосипед. В соседнем доме включили музыку — старую итальянскую песню, легкую и сладкую.

Через десять минут Маттео вышел.

В руке у него была кожаная папка. Не синяя. Другая.

— Вечером я буду поздно, — сказал он. — Не жди.

Я молчала.

Он остановился у двери.

— И, Анна.

Я подняла глаза.

— Не трогай то, что тебе не принадлежит.

Дверь закрылась за ним тихо.

Я не знаю, сколько простояла после этого. Минуту. Десять. Полчаса. Время иногда рассыпается не хуже старой штукатурки.

Потом зазвонил телефон. Номер школы. Я ответила сразу.

— Signora Landi? София плохо себя чувствует. У нее температура. Вы можете забрать ее?

Я закрыла глаза.

— Да. Конечно. Я сейчас приду.

До школы я почти бежала.

Лукка к этому часу стала ярче и громче. Туристы уже заполнили центральные улицы, разглядывали витрины, фотографировали башни, ели мороженое, покупали открытки с закатами. Они видели Италию такой, какой она обещала быть: теплой, вкусной, залитой светом. Я пробиралась между ними с ощущением, что бегу под водой.

София сидела в школьном коридоре на маленьком стуле. Лицо у нее было горячее, глаза блестели.

— Мам, — сказала она жалобно. — Я испортила день?

Я опустилась перед ней на колени.

— Нет, солнышко. Ты просто заболела.

— Папа приедет?

Я поправила ей волосы.

— Папа занят.

Она кивнула так, будто уже знала ответ.

Учительница дала мне лист с подписью, что ребенка забрали раньше. Я подписала. Рука все еще дрожала.

Дома София уснула почти сразу. Я положила ей влажное полотенце на лоб, поставила рядом воду, измерила температуру. Тридцать восемь и семь. Не страшно, сказала я себе. Дети болеют. Это нормально. Все нормально.

Но ничего не было нормально.

Я сидела рядом с ее кроватью и смотрела, как она дышит. Маленькая грудь поднималась и опускалась. На стене над кроватью висели ее рисунки: кошка с крыльями, дом с садом, море, которого она никогда не видела зимой, и принцесса в короне, стоящая на высокой башне без двери.

К пяти часам я перенесла созвон. Заказчик ответил сухо: «Тогда мы, возможно, передадим проект другому переводчику». Я написала: «Понимаю». Потом стерла. Потом снова написала.

К семи Софии стало легче. Она попросила мультик, потом уснула под него, свернувшись калачиком. Я сидела на диване с ноутбуком на коленях и пыталась работать, но буквы расплывались.

В половине девятого пришло сообщение от Маттео.

«Не забудь, завтра ужин у Ринальди. Ты должна быть готова к 19:00».

Я уставилась на экран.

Завтра. Ужин. Ринальди.

Я совсем забыла.

Профессор Ринальди был не просто начальником Маттео. Он руководил частным реставрационным фондом, устраивал вечера для меценатов, коллекционеров и музейных людей. Иногда Маттео брал меня с собой. Не потому, что хотел видеть рядом. Просто русская жена, говорящая на трех языках, была полезной деталью интерьера. Я могла улыбаться французским гостям, переводить английские шутки, рассказывать о Москве, если кому-то хотелось экзотики.

Я написала: «София болеет».

Ответ пришел почти сразу.

«Найди няню».

Я засмеялась. Тихо, без радости. Так смеются, когда уже нет сил плакать. Няню. На какие деньги? Кого? В стране, где у меня не было ни семьи, ни настоящих друзей, ни права сказать: помогите, я боюсь собственного мужа?

Я отложила телефон.

И тогда увидела на экране ноутбука новое письмо.

Тема: «Invito — serata privata Fondazione Rinaldi».

Приглашение на завтрашний вечер. Массовая рассылка, которую Маттео, видимо, забыл скрыть от меня. Я открыла письмо машинально.

Список почетных гостей был внизу.

Я читала имена без интереса. Банкиры, коллекционеры, кураторы, какой-то маркиз, директор галереи из Милана.

И вдруг одно имя ударило меня так, что я перестала слышать мультик.

Lorenzo Albani.

Я перечитала.

Lorenzo Albani.

Семь лет назад, Москва.

Снег на Патриарших. Черное пальто. Его рука на моей талии в полутемном коридоре ресторана. Запах дорогого табака, морозного воздуха и его кожи. Его голос: «Анна, я не умею просить. Но ради тебя научусь». Моя ладонь на его груди. Мое сердце, которое тогда было глупым, живым и еще не знало, что любовь может быть не спасением, а вторым падением.

Лоренцо.

Мужчина, которого я бросила, потому что он был женат.

Мужчина, которого я любила так сильно, что потом вышла замуж за другого — только бы не ждать его всю жизнь.

Я закрыла ноутбук.

Комната вдруг стала слишком маленькой. Слишком тихой. За окном темнела Италия: мягкая, синяя, с золотыми окнами домов, с колоколами, с запахом дождя и камня. Где-то в этом же городе или совсем рядом, под тем же тосканским небом, снова существовал Лоренцо Альбани.

Не в памяти. Не в московской зиме. Здесь, совсем близко.

Я встала и подошла к окну.

Я сказала себе, что не пойду. Что София болеет. Что Маттео опасен. Что Лоренцо женат. Что я уже однажды спаслась от этой любви. А потом телефон снова завибрировал. Сообщение от Маттео:

«Завтра надень синее платье. И постарайся выглядеть нормально».

Я посмотрела на свое отражение в темном стекле. Бледное лицо. Уставшие глаза. Волосы, собранные в небрежный узел. Женщина, которая слишком долго старалась выглядеть нормально, пока ее жизнь превращалась в руины.

И впервые за долгое время внутри меня поднялось не отчаяние. Злость. Тихая, горячая, почти красивая. Как свет на картинах Караваджо. Жестокий свет, который вырывает из темноты то, что пора наконец увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.